УДК 78.071.2 : 781.22

Екатерина Подпоринова

ТОНАЛЬНАЯ ПАЛИТРА В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ ТАТЬЯНЫ ВЕРКИНОЙ

Ох, нелёгкая это работа –
Из болота тащить бегемота!
К. Чуковский

Говорить о «творческой мастерской» возможно лишь в том случае, если в ней творит истинный Мастер своего дела, профессионал, наставник, стремящийся передать свой опыт молодому поколению, Учитель с большой буквы. Для меня таким Учителем, Мастером и наставницей стала Татьяна Борисовна Веркина[1] – мой педагог по классу специального фортепиано в консерватории (ныне университет искусств). Нельзя не согласиться с доктором искусствоведения, профессором Е. Г. Рощенко, назвавшей Татьяну Борисовну «чародейкой». Действительно, это человек-полюс, человек-магнит, который притягивает к себе людей, заражает их собственным отношением к искусству, ВЕРОЙ в него, превращая в единомышленников.

Хотелось бы не только поделиться воспоминаниями об уроках в классе Татьяны Веркиной, но и затронуть вопрос о гармоничном развитии ученика: ведь один из краеугольных камней современной педагогики – создание таких условий для развития, воспитания и обучения личности, которые бы способствовали наиболее полному раскрытию её потенциала.

Определение «тональная палитра», заявленное в названии, конечно же, не стоит понимать буквально, поскольку сказать, что у Татьяны Борисовны есть излюбленные тональности, я не могу (если они и есть, то она это тщательно скрывает☺). Скорее, речь пойдет о *некоторых мажоро-минорных ситуациях*, возникавших на уроках (как же без них-то!), а также всевозможных отклонениях, модуляциях,

[1] Веркина Татьяна Борисовна – народная артистка Украины, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой специального фортепиано, а с 2003 г. – ректор Харьковского национального университета искусств им. И. П. Котляревского.

задержаниях и прочем, иными словами, о вечном движении по кругу… – кварто-квинтовому.

Итак, начнём, как водится, с тональностей ***C-dur*** и ***a-moll.***

«В жизни каждого человека есть исключительные встречи. Они бывают мимолётными, краткосрочными, оставляя определённый след в душе <…>. Однако бывают встречи, оставляющие в душе постоянный и незатухающий до конца твоей жизни свет, несмотря на редкость подобных встреч. Такой стала работа в классе профессора Татьяны Борисовны Веркиной…», – вспоминает заслуженный артист Российской Федерации Виктор Хмелевской[2], подчёркивая основополагающую роль своего педагога в формировании собственной музыкально-профессиональной позиции[3].

Иначе, но с тем же тёплым чувством, описывает ощущения от первого знакомства со своим Учителем воспитанница Татьяны Веркиной Наталья Зимогляд[4]: «Я вошла в класс. Несмотря на сентябрь, ярко светило солнце, около рояля стояла молодая, очень красивая женщина; она улыбнулась, пригласила меня пройти, представилась и попросила меня рассказать о себе. Это была Татьяна Борисовна. Первые впечатления у меня были удивительные. Пропали тревога, волнение, … захотелось учиться, познавать, играть. Я поняла, что этот человек станет мне не только педагогом на долгие годы, но другом и близким человеком на всю жизнь»[5].

Моя же первая встреча с Татьяной Борисовной состоялась ещё в годы учёбы в музыкальном училище. Это было прослушивание перед внутренним конкурсом студентов-пианистов. Мой училищный педагог Николай Павлович Дубиненко привёл меня на консультацию к профессору консерватории. Помню Малый зал, ветхий и обшарпанный, и проницательные пристально-внимательные глаза Татьяны Борисовны. После моей игры она сделала ряд указаний, затем подошла к роя-

---

[2] Выпускник Харьковского института искусств им. И. П. Котляревского по классу фортепиано Татьяны Веркиной, солист Курской областной филармонии.

[3] Полный текст воспоминаний см. в *«Приложении»* к настоящей статье.

[4] Наталья Зимогляд – выпускница Харьковского института искусств им. И. П. Котляревского по классу фортепиано Татьяны Веркиной, кандидат искусствоведения, доцент Харьковского национального университета искусств им. И. П. Котляревского.

[5] См. *«Приложение»*.

лю и… начался урок. Из памяти стёрлись произносимые замечания, но осталось ощущение радости от понимания того, ЧТО мне объясняется, и какой-то «тяжеловесной» содержательности, новизны информации, целиком заполонившей мою голову, давая пищу к размышлению и поиску, тому самому творческому поиску, без которого, как я впоследствии убедилась, не обходится ни один урок в «веркинском» классе.

Одно из самых ярких начальных воспоминаний о студенчестве – стресс, полученный на первом после летних каникул уроке ученицы Татьяны Борисовны из специальной музыкальной школы-десятилетки. Всё тот же Малый зал. Ученицей исполнялась одна из сонат Й. Гайдна – от начала до конца наизусть без остановок и аварий, корректно и грамотно. «Ух, ты! Вот здорово играет! – думала я. – Ничего себе первый урок, а что дальше-то делать?». По окончании игры Татьяна Борисовна повернулась ко мне и спросила: «Что ты скажешь?». Я, глядя раскрытыми от потрясения глазами, смогла выдавить из себя только одну фразу: «У нас бы на академконцерте за такое исполнение поставили “пять”». Мне казалось, что всё замечательно, и я, здраво оценивая собственную готовность к уроку, вжала голову в плечи, покрепче притиснула к себе ноты, абсолютно точно понимая, что необходимо срочно бежать и учить, учить, учить… Но меня ожидало ещё большее удивление: Татьяна Борисовна, вместо того, чтобы похвалить такое, на мой взгляд, хорошее исполнение, стала указывать ученице на множество неточностей, недочётов, исполнительских просчётов, нюансов, и последняя сразу реагировала – у них начался творческий диалог. Казалось, что они общаются на каком-то своём, ещё не вполне понятном мне языке. Так я вошла в творческую мастерскую Татьяны Веркиной.

G-dur – e-moll. В классе Татьяны Борисовны всегда толпилось и толпится много народу. Урок никогда не лимитировался чётким академическим часом. Будучи натурой увлекающейся, наш профессор могла часами работать над несколькими тактами, добиваясь необходимого результата. Только спустя годы начинаешь понимать, оказавшись по другую от студентов сторону баррикад – в педагогическом лагере, – сколько терпения, упорства, настойчивости и сил необходимо иметь, чтобы так стойко, вопреки сопротивлению характеров, умений, желаний, хотений и прочих «-ний» учащихся, то бишь нас, пытаться нас учить.

h-moll – D-dur. Вначале я долго не могла привыкнуть к тому, что на моём уроке всё время кто-то сидел, вернее, даже не просто сидел, а непосредственно участвовал в процессе. Затем я поняла, что не только мне «умные» ученики могут указать на ошибки, но и я могу вставить свои «пять копеек» во время их урока. Однако, как оказалось, для того, чтобы высказать своё мнение, необходимо было многое уметь и слышать. Татьяна Борисовна таким образом воспитывала в своих питомцах умение слушать, слышать и анализировать услышанное. Конечно, на первых порах бывает иногда обидно, когда тебе указывают на ошибки твои же однокурсники или одноклассники. Но потом понимаешь, что нужно снимать эмоциональный фон и оставлять лишь конструктивное восприятие информации. На сегодняшний день собственную готовность к выступлению я проверяю, «обыгрываясь» перед одноклассниками, которые в своей критике не будут деликатничать, а честно выскажут всё, что они слышат, и самое главное – всегда подскажут, как исправить ошибки в кратчайшие сроки, как поучить…

A-dur – fis-moll. Очень запомнились уроки, на которых мы слушали музыку, выступления известных пианистов, обсуждали различные варианты исполнения одного и того же произведения, а позднее стали просматривать видеозаписи и анализировать исполнительскую технику: как играют, за чем следят, каковы особенности звукоизвлечения, как движутся руки, работают пальцы. «Смотрите и анализируйте», – говорила Татьяна Борисовна, обращая наше внимание на отточенность пианистических движений и те принципы, которые лежат в их основе. Например, поиск правильного положения рук: следует всегда проверять и выверять положение первых (больших) пальцев; на белых клавишах они находятся визави, а если одна рука играет на белых, а другая на чёрных клавишах – строго диагонально, координируя движения рук.

Подчеркну, что Татьяна Борисовна никогда не навязывала своего ви́дения произведения. Она направляла художественную мысль исполнителя, подталкивала, стимулировала, пробуждая образные, литературные, музыкальные и иные ассоциации, но не диктовала свою волю. Самой непростительной ошибкой был приход на урок без каких-либо собственных мыслей, идей, задумок в надежде на получение

готового рецепта. Это каралось жёстко и беспощадно, так, чтобы запомнилось надолго. В таких случаях мы периодически «откачивали» пострадавшего от праведного преподавательского гнева, успокаивая его с дружеским участием☺.

E-dur – cis-moll. Яркий след в памяти оставил первый визит в квартиру Татьяны Борисовны на улицу Чайковского. Помню, как дверь открыла одна из учениц и проводила меня в комнату, где полным ходом шёл урок. Но я ничего не слышала – я была поглощена разглядыванием той музыкальной гостиной, в которую попала. Первое, за что «цеплялся» глаз, – это рояль, настоящий, большой, стоящий у стены и буквально утопающий в огромном количестве нот, музыкальных дисков, видеокассет, книг, сувениров и прочей чрезвычайно ему (роялю) идущей атрибутики. Второе – картины, их было несколько, и у каждой – своя история. Особенно запомнились два портрета – Татьяны Борисовны (выдержанный в коричнево-красных тонах, если мне не изменяет память) и её мужа Петра Отаровича. Под впечатлением от концертного рояля, двух портретов и удивительной, ни с чем не сравнимой ауры «веркинской» музыкальной гостиной, у меня более десятилетия назад, в уже далёком 2000-м (и в этой временной быстротечности кроется минорная нота!) родились стихи…

Смотрю на Ваш портрет и поражаюсь,
Я видела Вас именно такой…
Художником безмолвно восхищаюсь,
Он образ воплотил своей рукой.

Да! Это Вы, но в миг неуловимый.
Он пролетел… и образ Ваш другой,
Изменчивый и мной не постижимый,
Таятся в нём и буря, и покой.

К слову сказать, Татьяна Борисовна довольно часто подчёркивала в беседах с нами роль времени: «Жизнь слишком коротка, а вы тратите её на глупости, бездарно, я же не могу позволить себе подобную роскошь!».

H-dur – gis-moll. В своём классе Татьяна Борисовна воспитывала не просто пианиста-исполнителя, профессионала, будущего педагога, а настоящего музыканта и человека, обладающего чувством собственного достоинства. Для неё важно не количество конкурсов и лауреатских званий, а умение исполнителя говорить посредством своего инструмента, высказываться содержательно и искренне.

За нежелание думать, леность мысли учащиеся нередко подвергались «моральной порке». Задеть за живое профессор могла очень сильно. Не получается – значит, не думаешь, не успеваешь думать или думаешь не о том, о чём необходимо. В классе Татьяны Веркиной нет слова «не могу». По её собственному признанию, в её фортепианном классе очень трудно удержаться, потому что та планка, которая ставится перед студентами, очень высока. Впрочем, по отношению к самой себе она настолько же критична…

Fis-dur – dis-moll = Ges-dur – es-moll. Вспоминается сольный концерт Татьяны Веркиной в Харьковской филармонии, в котором исполнялись романсы. Несколько студентов (и я в их числе) присутствовали на репетиции. Татьяна Борисовна сразу же поставила перед нами задачу: не просто слушать из зала, а указывать на все погрешности – какие слова нечётко слышны, где пропадают звуки. И это было удивительно: увидеть, насколько наш педагог в собственной творческой работе настойчив, самокритичен и придирчив. Мы с Учителем словно поменялись местами, увидев, КАК надо работать – реагировать на замечания, исправлять и совершенствоваться…

Исподволь, поражая своей начитанностью, широкими познаниями в различных сферах, безбрежностью интересов, Татьяна Борисовна «заражала» нас не только музыкой, но литературой, живописью, философией и даже физикой и математикой. Влияние её личности на наш духовный мир было очень значительным. Вспоминается случайная встреча в книжном магазине и совет приобрести книгу братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу»… Как не вспомнить, что один из любимых писателей Татьяны Борисовны – Роберт Льюис Стивенсон. Его стихотворение «Вересковый мёд», услышанное от Петра Отаровича, читавшего его наизусть, стало негласным «хитом» нашего класса. Своеобразным же гимном класса можно назвать песню Булата Окуджавы «Давайте восклицать!».

Des-dur – b-moll. Студенческие годы вспоминает Н. Зимогляд: «Татьяна Борисовна много рассказывала о композиторе, создавшем исполняемое произведение, его стиле, играла произведение сама, проводила параллели с художниками, писателями и поэтами того времени. На уроках была эмоциональна, и поэтому занятия проходили

ярко, замечания запоминались. Много времени на уроках уделялось звукоизвлечению, штрихам, “пению” на рояле»[6].

Действительно, на первых же уроках Татьяна Борисовна давала установку на активность самого кончика пальца, его чуткость, которая должна контролироваться ухом. Урок мог быть посвящен поиску звукового баланса, дослушиванию звучания, вслушиванию в один звук. Мы учились слышать звук после его взятия, переводить один звук в другой, сознательно управлять звуковедением. Упражнения придумывались на столе, как на немой клавиатуре, и за роялем. Чтобы почувствовать вес руки и особенности его переноса, мы, например, переставляли чашку, стараясь поставить её так, чтобы дно мягко, без удара и стука всей поверхностью одновременно коснулось стола.

Отдельно изучались интонирование и фразировка – особенно глубокий след в душе и мыслях оставила работа над полифонией. Именно Татьяне Борисовне я обязана умением петь двухголосие, чисто интонируя. Из всех моих учителей она первая и единственная указала мне на то, что нужно слушать вертикаль и слышать те интервалы, которые в ней образуются. Я же ещё со школьной скамьи привыкла, что в двухголосии максимально громко поётся один голос и максимально тихо играется другой (чтобы не мешал☺). Подобное разъяснение, которое может показаться таким понятным, на тот момент для меня было откровением.

В работе над полифонией профессор была непреклонна, и все попытки каким-то образом «увильнуть» от знания каждого голоса успехом не увенчивались. Но самое интересное – когда за рояль садилась (и садится) Татьяна Борисовна, любое упражнение становилось увлекательным творческим процессом. Например, все фуги, которые разучивались, проигрывались в ансамбле, при этом задействовались все присутствующие. Фуги пелись, игрались все пары голосов, обнаруживая неожиданные интонации, пряные сочетания, интересные диссонансы и их разрешения. Иными словами, разучивание полифонии выстраивалось в детективный сюжет[7]. В процессе

---

[6] См. *«Приложение»*.

[7] См. расшифровку урока, посвященного работе над полифонией И. С. Баха в *«Приложении»*.

игры мы показывали рукой направление интервала, его ширину, пытаясь почувствовать на уровне мышц то напряжение, которое свойственно именно этому интервалу. Вспоминаются высказывания Татьяны Борисовны: «Ты должна знать “мордочку” каждого интервала» или «Ты должна знать линию каждого голоса; быть в курсе, в каких “интимных отношениях” находятся голоса друг с другом в любой точке произведения»…

As-dur – f-moll. Были уроки, посвящённые «поиску» ритма. Ведь, как оказалось, с ритмом у большинства из нас, учеников, были большие проблемы. Мы играли так, как (цитирую педагога) «было угодно левой задней пятке». К каждому своему ученику Татьяна Борисовна искала ключик. Кто-то вышагивал по кабинету километры в ритме похоронного шествия 3-ей части Двенадцатой сонаты Бетховена. Кто-то дирижировал одной рукой, играя партию другой, или стучал по крышке; отбивал ритм ногами в синкопу, одной рукой тактируя сильные доли, а другой – выбивая на крышке рояля изощрённый ритмический рисунок мелодии. И так – до обретения полной свободы и относительной независимости всех частей тела в условиях сложной координации движений. И все, конечно же, старались воплотить (то есть наделить собственной поющей, стучащей и т. п. – см. выше – «плотью») незримую метрическую пульсацию, заботливо укрытую композитором в так называемой «линии баса». О последней необходимо сказать отдельно…

Линия баса – это то, о чём мы упорно забывали, несмотря на все усилия нашего педагога. Мы упрямо двигались за мелодией, теряя гармоническую основу. Открывая ноты ранее игранных сочинений, я наталкиваюсь на ремарки Татьяны Борисовны, сделанные карандашом: «не слышишь линию баса», «куда идешь?», «зачем идешь?», «почему дырка?» и прочее. Линию баса мы обязаны были знать как «Отче наш», петь её с партией правой руки и без, разобраться, что куда тяготеет, и, что самое главное, – почему. На уроках игры на фортепиано осваивались одновременно курсы и гармонии, и полифонии, и сольфеджио, и анализа музыкальных форм.

Но самое «страшное», что у Татьяны Борисовны есть привычка, рассказывая о музыке, затрагивать широчайший круг различных знаний. Она спрашивала, что мы читаем, рекомендовала хоро-

ших писателей, заставляла «прошерстить» массу литературы, связанной с творчеством композиторов, чьи произведения исполнялись, проводила неожиданные параллели и находила интересные ассоциации. До сих пор после каждого урока Татьяны Борисовны, на которые попадаешь сейчас уже не в качестве студента, уходишь с ощущением того, что ты получил дополнительную пищу к размышлениям…

Es-dur – c-moll.

Из студенческого…

Пред мастером почтительно склоняюсь,
Но педагога всё-таки боюсь,
А женщиной безумно восхищаюсь,
И этого нисколько не стыжусь.

Ведь я учусь, грызу гранит науки,
Вхожу в рояль, вернее, вход ищу.
Когда ж порой не слушаются руки,
Я вслух им шлю приказ, а не ропщу!

Однако не всегда уроки проходили в сверкающей мажорной краске, бывали и минорные эпизоды. Например, «кровавые» ночные репетиции, которые пришлись как раз на те годы, когда в нашей стране происходило веерное отключение электричества. В кромешной темноте большого зала громогласно звучал голос педагога, взывающий из последнего ряда к исполнительским сознанию, чести и совести: «Ну не писал такого композитор, он не бился в истерике», «ты играешь себя, а не Моцарта, Бетховена, Шумана»…

Хочется привести слова сегодняшнего воспитанника Татьяны Борисовны, студента 5-го курса Олега Копелюка: «… не все наши уроки проходят гладко. Бывает всякое <…>. И в то время, когда урок приобретает драматический характер…, я вспоминаю слова Татьяны Борисовны: ***если даже наш педагог недоволен нами, и кажется, что больше не в состоянии терпеть нас, не верьте этому, ибо настоящий учитель хочет, чтобы ученики превзошли своего учителя, именно в этом мудрость учителя, именно так проявляется его любовь***»[8].

Но всегда, красной нитью через все уроки, проходила фраза: «Слушай рояль!». Для Татьяны Борисовны рояль – живой инструмент, надёжный друг, интересный собеседник, которого нужно понимать, слушать и вести с ним разговор… разговор по душам!

---

[8] См. *«Приложение»*.

Когда-то перед одним из экзаменационных выступлений Татьяна Борисовна сказала фразу, которая для меня оказалась переломной в понимании профессии музыканта: «Если я узнаю, что Вы играете ради оценки, Вы станете мне неинтересны». Разочаровать своего педагога было невозможно.

B-dur – g-moll. Возвращаясь к И. С. Баху[9]… В классе Татьяны Борисовны все приучены играть ХТК по уртексту. Исполнитель сам должен разобраться в строении и интонационном рельефе каждого голоса, грамотно расставить цезуры и интонационные акценты, аргументировать их, подобрать аппликатуру, исходя из фразировки, найти формообразующие компоненты и выстроить музыкальное здание произведения так, чтобы оно убедительно воспринималось слушателем. Нередко вместе с пианистом, сидящим за роялем, первую тему «рожали» все присутствующие. Кого-то Татьяна Борисовна убеждала почитать псалмы, чтобы проникнуться соответствующим состоянием (чтение происходило тут же, вслух и с выражением), кто-то убеждал педагога в собственном «философском наполнении» темы, ссылаясь на исторические трактаты, иными словами, происходил творческий диалог…

Среди особых методических приёмов, развивавших в учениках творческую самостоятельность, назову поиск интонационных точек, осуществлявшийся следующим образом. Выбиралась какая-либо нота (на усмотрение исполнителя), которая держалась «на дыхании», пока не возникала необходимость её подхватить или перевести. Найденная комбинация закреплялась, но весь секрет заключался в том, что искомых комбинаций могло быть множество – всё зависело от тех задач, которые в данный момент ставил перед собой исполнитель.

Огромный трудоёмкий пласт работы состоял в умении сыграть произведение в различных темпах с закрытыми глазами и «прокрутить» его от начала до конца без инструмента в уме.

Татьяна Борисовна словно указывала путь, по которому следует идти, ставила задачи, выборочно проверяла правильность их понимания и выполнения, а далее следовала кропотливая самостоятельная работа – так развивалось мышление ученика.

---

[9] См. *«Приложение»*.

d-moll – F-dur. Конечно же, не всё было гладко, были слёзы и поражения, досадные ошибки и непонимание… Было много разного, но память сохраняет лишь хорошее. Не могу не вспомнить слова моей мамы, сказанные после одного из концертов класса, проходившего в филармонии. Увидев Татьяну Борисовну в зале и наблюдая за ней, мама сказала: «Если бы вы только знали, как ваш педагог переживает за вас, проживая с вами каждую ноту, каждую интонацию, болея за вас всем сердцем!». О том же чутком отношении к ученикам вспоминает Н. Зимогляд: «Татьяна Борисовна всегда очень переживала за нас, и мы это чувствовали. Старались её не расстраивать, хотя это не всегда получалось <…>. Она всегда радовалась нашим успехам и переживала вместе с нами, если у нас в жизни случались неприятности»[10].

В порыве признательности и благодарности Учителю класс Татьяны Борисовны объединялся не только на концертах. В посвящаемых ей «капустниках» чего только не было: песни, юмор, видеофильмы, аудиозаписи, a'capell'ные и шумовые ансамбли, театральные миниатюры, стихи:

Учителю от класса в Татьянин день

***Т**атьянин день – день Веркиной Татьяны.*
***А**врал экзаменов прошёл уже почти,*
***Н**о хочется, чтоб наши все изъяны*
***Я**нварский ветер смёл у Вас с пути.*

***В**полне возможно мы – не совершенства,*
*(**Е**сть грех такой, чего уж там скрывать),*
***Р**омантиков мы слушаем с блаженством,*
***К**лассических творцов хотим понять:*
***И** хоть порой в нас мало вдохновенья,*
*(**Н**о, ежели по чести, то терпенья),*
***А** всё-таки мы рождены играть!*

***П**озвольте с именинами поздравить*
***О**т всех сердец, что бьются в унисон,*
***З**доровье пожелать скорей поправить,*
***Д**абы слились в единстве ночь и сон.*
***Р**ефреном будет пожеланье счастья,*
***А** также денег, крупных, всех мастей;*
***В**сегда проходят мимо пусть ненастья,*
***Л**ишь только радость ждёт Вас у дверей.*
***Я**нварский праздник дарит свет и счастье,*
***Е**щё подарки близких и друзей,*
***М**ечты и воплощенье всех идей!*

[10] См. *«Приложение»*.

a-moll – C-dur.

К проблеме раскрытия потенциала ученика: отмечу, что многогранность личности педагога – педагога ищущего, не останавливающегося, позволяет воспитывать личным примером. Хочется быть похожим, чего-то достигать и трудиться, трудиться, трудиться… ибо совершенству нет предела.

Увы, не всегда и не во всём мы следуем заветам наших педагогов. К сожалению, уроки Татьяны Борисовны не конспектировались… – а эти конспекты были бы весьма кстати начинающему собственную педагогическую деятельность музыканту. Но, возможно, как мозаика, сложатся в целостную картину отдельные воспоминания о ней, записи её уроков и высказываний, что, в конечном итоге, позволит проанализировать обширный педагогический опыт и ценнейшие методические наработки удивительного талантливого педагога – Татьяны Борисовны Веркиной.

Вот и замкнулся круг… А, точнее, просто устремился в бесконечность, продолжив вечное движение в лабиринтах времени, звуков, тональностей и человеческих сердец…

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эпизод I

Внимание, идёт урок!

[Расшифровка фортепианного урока в классе Татьяны Веркиной / Подпоринова Е. В. – Запись 2011 г. : *И. С. Бах. Прелюдия и фуга соль-минор из I тома «ХТК».*

***Исполняет О. М., студенка 1 курса.*]**

[После прослушивания произведения в исполнении студентки].

Т. Б.: Могу заметить, что со вчерашнего дня, несмотря на твою неуверенность, проявленную в отношении к самой себе, в своих силах, тебе удалось сделать достаточно много. Осмысленная работа была, безусловно, уже проделана, но мне всё время не хватало одной очень важной вещи и в прелюдии, и в фуге. Мне не хватало звука, твоего отношения к звуку. Ты вся немножко поджалась, и звук был, как говорят вокалисты, «неопёртый», очень неопределённый и бездыханный. Более того, я не очень ощущала тональ-

ность. Для начала я бы всё-таки хотела, чтобы мы с тобой определились, в какой тональности сейчас играем.

О. М.: Соль-минор.

Т. Б.: Итак, начнём, как всегда, с нашего слухового тренажа: поиграем арпеджио в соль-миноре, потом в фа-миноре, ми-миноре, ля-миноре, где сама хочешь. Затем возвращаемся в исходный соль-минор.

[Рекомендации в процессе игры]. Арпеджио всегда играем очень легатно, красивым певучим звуком, и всегда сохраняем мелодическую основу этих арпеджио. Не просто пальцами перебираем по клавиатуре, а слушаем «соль-си-ре-соль», это красивая мелодическая линия.

[Играются арпеджио в разных тональностях (соль-миноре, ля-миноре, фа-миноре и снова соль-миноре)].

Т. Б.: Скажи, пожалуйста, было ли что-то в твоей душе, что сказало тебе: «Вот есть определённая разница между соль-минором и ля-минором или соль-минором и фа-минором»?

О. М.: Было между соль-минором и ля-минором.

Т. Б.: Теперь ещё раз начни ля-минор и сразу перейди на соль-минор…

[После игры].

Т. Б.: Я, честно говоря, не очень слышу разницу, а мы практически должны почувствовать различие. Сейчас же я просто ощущаю весьма активную позицию и в соль-миноре, и в ля-миноре, и в фа-миноре. А я точно знаю, что она должна быть разной. Три тональности – это три разных мира.

Если начинаешь играть с акцента, то первый же звук сразу «убивает» тональность. Ведь любая тональность начинается с произнесения гармонии. Я должна погрузиться во второй звук, услышать первый интервал, понять, в каком ладу я нахожусь. Если же акцент на первой ноте, а дальше пустота, то я не понимаю, где нахожусь. Главное, не надо никуда спешить – слушай!

[Ошибка].

Т. Б.: Ты начинаешь играть, не слыша того, что собираешься играть. Ты привыкла играть пальцами, а мне важно, чтобы ты умела перестраиваться внутренне, чтобы ты почувствовала, в какую тональность ты переходишь. Ты спускаешься относительно соль-минора на большую секунду вниз, в фа-минор. Это очень большой рывок. Не просто хлопай по клавише «фа», а успей пережить какое-то потрясение, ведь ты переходишь из

одной тональности в совершенно другую. Это два мира – АБСОЛЮТНО РАЗНЫХ!

Теперь давай попробуем сыграть тему фуги в соль-миноре, фа-миноре и ля-миноре, и попытаемся понять, почему именно в соль-миноре Бах выбрал эту тему. Ведь композитор писал во всех тональностях. Что же заставило его услышать эту фразу, этот начальный мотив именно в соль-миноре? И почему именно в соль-миноре он предложил такой вариант прелюдии – с трелями в самом начале?

[Тема фуги играется в разных тональностях].

О. М.: Хм… интересно. В ля-миноре светлее как-то звучит… Но я не совсем понимаю.

Т. Б.: А тебе сейчас и не надо понимать, тебе надо просто УСЛЫШАТЬ, что эти две темы (в соль-миноре и ля-миноре) звучат чуть-чуть по-другому. Ведь мы ищем тот звук, который присущ только соль-минору.

Кстати, для меня и темп, в котором ты играешь фугу, несколько поспешный. Ты торопишься и не успеваешь прочувствовать те интервалы, которые приковывают наше внимание. Вдумайся, малая секунда вверх, потом скачок, малая секунда вниз, затем опять вверх… Композитор заостряет наше внимание на этих интервалах, заставляя прочувствовать их. Ты же просто пробегаешь эти интервалы, ничем их не наполняя. Какой интервал второй?

О. М.: Секста.

Т. Б.: Ты представляешь, насколько секста шире малой секунды, сколько в ней полутонов? Их же все надо пропустить через себя, прослушать. Чтобы почувствовать расстояние и напряженность этого интервала, их надо проиграть, заполнить полутонами. А ты боишься настоящего звука рояля. Мне бы хотелось, чтобы мы ощущали колебания струны, ощущали звуковую волну… В противном случае ты просто нажимаешь клавишу, и звук тут же гаснет, не тянется, не вибрирует. Ещё раз, пожалуйста, возьми левой рукой «соль си-ре-соль» так, чтобы рояль зазвучал…

[Идёт работа над звуком в теме].

Т. Б.: Когда вступает второй голос, за чем мы должны следить? Мы следим за интервалами, которые образуются по вертикали. Кстати, ты «скушала» паузу в теме между мотивами, что было очень обидно. Ведь пауза – это воздух, люфт, – они так важны! – это наше дыхание, живое человеческое дыхание, которое должно обязательно иметь место в музыке.

Теперь вопрос к слушателям[11]: была ли линия верхнего голоса, и был ли в каждую долю времени слышен интервал по вертикали между сопрано и басом?

Сейчас мы поступим следующим образом: сядем вчетвером, поскольку здесь четыре голоса, и будем играть фугу.

[Каждому, включая Татьяну Борисовну, достаётся по голосу].

Т. Б.: Начиная со слабой доли, мы должны выразительно сказать «раз», чтобы дать импульс к началу игры…

Будьте гуманистами, вы должны СЛЫШАТЬ созвучия, образующиеся по вертикали! И то, как они переходят друг в друга…

… А вы слышали меня? Мой голос был в серёдочке? (*Обращаясь к О. М.:)* Вот ты, например, меня перекрыла, а должна была быть более деликатной…

[Продолжают играть с того места, где остановились. Ребята не могут взять одновременно терцию].

Т. Б.: Не тычьте пальцами в клавиши! Смотрите, вы же стоите на клавиатуре рядышком. Приготовьте руки, ВДОХНИТЕ вместе и одновременно возьмите звук. Чтобы играть вместе, необходимо совместно дышать, чувствовать, контактировать на уровне ощущений.

Играя по голосам, мы должны слышать все интервалы, которые образуются по вертикали, слушать и слышать длинные ноты, их протяжённое звучание, а также отслеживать направленность движения голосов (где они движутся параллельно, где навстречу друг другу и прочее). При этом длинные ноты следует брать с большей опорой, глубиной погружения в клавишу.

[Играя со студентами, Татьяна Борисовна постоянно обращает их внимание на то, ЧТО звучит в настоящий момент, заставляя вслушиваться во все звуковые перипетии. Например…]

Т. Б.: Люди, кто из вас услышал секунду, которая образовалась между басом и тенором? Никто… Давайте ещё раз, и в этом месте все остановимся, замрём и послушаем…

[Отдельно обстоятельно прорабатываются места с переченьем голосов].

---

[11] Слушателями на уроках Татьяны Борисовны являются её же студенты, ученики её класса, которые активно анализируют и комментируют исполнения своего коллеги, делятся своими мыслями и размышлениями, проверяя собственные ощущения, знания и умения.

Т. Б.: Играют только пересекающиеся голоса. Это очень неприятный и трудный эпизод, его нужно поиграть отдельно и знать досконально – какой голос куда идёт, и где находятся точки пересечения…

[Совместная игра фуги продолжается…]

Т. Б.: А теперь я вас ещё больше озадачу и напугаю… Теперь вы эту фугу должны спеть (по голосам). Только пойте так, чтобы слышать звучание интервалов по вертикали. Когда поёте, обязательно слушайте, что в результате получается, что звучит.

Музыка не терпит формального к себе отношения ни в коем случае!

* * *

Эпизод II. Воспоминания о Татьяне Веркиной[12]

Виктор Хмелевской[13]

Моему учителю

В жизни каждого человека есть исключительные встречи. Они бывают мимолётными, краткосрочными, оставляя определённый след в душе. Так было, к примеру, в детстве, когда моими первыми сочинениями заинтересовался Д. Б. Кабалевский, переписка с которым длилась несколько лет (1965–1974). 21 декабря 1971 г. он мне писал: «Музыка по характеру своему обязательно должна меняться, в зависимости от того, что ты хочешь ею выразить, точно так же, как в зависимости от происходящих событий меняется наше настроение, наши мысли и чувства».

Прошли годы, и композиция перестала увлекать меня так, как фортепианное исполнительство. Быть пианистом – такая цель сформировалась у меня в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории (1972–1976), и это желание ещё более укрепилось в годы учёбы в Курском музыкальном училище (ныне – колледж им. Г. В. Свиридова) в классе всемирно известного пианиста-джазиста Леонида Владиславовича Винцкевича (1976–1979).

---

[12] Воспоминания В. Хмелевского, О. Копелюка, О. Пупиной, А. Ярецкого написаны по инициативе Е. В. Подпориновой. Рукописи находятся в её личном архиве. – [*Прим. ред.*].

[13] Виктор Хмелевской – выпускник Харьковского института искусств им. И. П. Котляревского по классу фортепиано Татьяны Веркиной, солист Курской областной филармонии, Заслуженный артист Российской федерации. – [*Е. П.*].

Однако бывают встречи, оставляющие в душе постоянный и незатухающий до конца твоей жизни свет, несмотря на редкость подобных встреч. Такой стала работа в классе профессора Татьяны Борисовны Веркиной в Харьковском институте искусств им. И. П. Котляревского[14].

Т. Б. Веркина как человек и педагог сыграла основополагающую роль в становлении меня как музыканта-профессионала. То, о чём писал ещё в моём детстве Д. Б. Кабалевский, было осознано уже в плане исполнительства именно под её чутким и внимательным руководством. Формирование музыканта-профессионала – процесс очень длительный и сложный. От встречи с тонким, эмоциональным человеком, способным понять психологию и возможности студентов, зависит будущее исполнителя. Именно таким человеком для меня и стала Татьяна Борисовна. За её самоотверженный труд, стойкую жизненную позицию, душевные качества и, конечно же, талант пианистки и педагога я бесконечно благодарен. А все её заветы и наставления стараюсь исполнять в собственной творческой деятельности. Мои успехи – это и заслуга Татьяны Борисовны.

О моём отношении к любимому Учителю говорит ещё один факт моей биографии – единственную любимую дочь, недавно закончившую факультет искусств Курского государственного университета и ныне работающую в музыкальной школе № 4 г. Курска, мы назвали… *Татьяной.* В честь моего Учителя: мне очень хотелось бы, чтобы она стала таким же красивым и талантливым человеком и музыкантом. Кстати, она даже внешне немного похожа на моего консерваторского руководителя…

Неизгладимый след, оставленный в моей жизни Татьяной Борисовной, накладывает на меня особую ответственность перед моей работой и заставляет меня вновь и вновь повторять: «Я Вас помню, очень уважаю и люблю!…»

* * *

[14] Ныне Харьковский национальний университет искусств имени И. П. Котляревского. – [*Е. П.*].

Эпизод III. Воспоминания о Татьяне Веркиной

Наталья Зимогляд[15]

Она сумела нас научить…

Я поступила в Харьковский институт искусств в 1977 году. Счастье переполняло меня, душа ликовала. Наконец сбылась моя мечта, я стала студенткой вуза, о котором мечтала. Меня распределили в класс к Татьяне Борисовне Веркиной.

В начале сентября я стояла у двери 13 класса и очень волновалась. Каждый музыкант понимает, какое важное место в его жизни занимает педагог по специальности. Я вошла в класс. Несмотря на сентябрь, ярко светило солнце, около рояля стояла молодая, очень красивая женщина; она улыбнулась, пригласила меня пройти, представилась и попросила меня рассказать о себе. Это была Татьяна Борисовна. Первые впечатления у меня были удивительные. Пропали тревога, волнение, захотелось учиться, познавать, играть. Я поняла, что этот человек станет мне не только педагогом на долгие годы, но другом и близким человеком на всю жизнь.

Татьяна Борисовна – удивительный педагог, энтузиаст своего дела. Она отдавала нам очень много своего времени и сил. Всегда ответственно подходила к любому делу и этому учила нас. Очень интересно у нас проходили уроки по специальности. Татьяна Борисовна много рассказывала о композиторе, создавшем исполняемое произведение, его стиле, играла произведение сама, проводила параллели с художниками, писателями и поэтами того времени. На уроках была эмоциональна, и поэтому занятия проходили ярко, замечания запоминались. Много времени на уроках уделялось звукоизвлечению, штрихам, «пению» на рояле. Что очень нам всем пригодилось в дальнейшей практической работе. На младших курсах многие из нас боялись сцены. Она сумела нас научить не только не бояться концертной эстрады, но и играть на концертах с удовольствием. В последующие годы, работая в оперной студии, оперном театре, играя ансамблевые концерты в филармонии, я часто вспоминала, как Татьяна Борисовна вселяла в нас уверенность,

---

[15] Наталья Зимогляд – выпускница Харьковского института искусств им. И. П. Котляревского по классу фортепиано Т. Б. Веркиной, кандидат искусствоведения, доцент Харьковского национального университета искусств им. И. П. Котляревского. – [*Е. П.*].

учила думать о стиле, образном содержании сочинения, получать удовольствие от звучания инструмента, доносить до слушателя замысел автора.

Татьяна Борисовна всегда очень переживала за нас, и мы это чувствовали. Старались её не расстраивать, хотя это не всегда получалось. Она часто нас собирала у себя дома, где всегда было тепло, уютно, и где нам всегда были рады. Праздники, дни рождения, важные события в нашей жизни – она была всегда рядом. Мы читали стихи, музицировали, обсуждали интересные книги. Часто играли свои программы, и после этого Татьяна Борисовна просила каждого высказаться по поводу услышанного. Она всегда радовалась нашим успехам и переживала вместе с нами, если у нас в жизни случались неприятности. Татьяна Борисовна учила нас не только играть на рояле, она старалась вырастить нас грамотными, коммуникабельными, тактичными и воспитанными людьми.

По прошествии десятилетий, когда я выхожу на сцену и в зале вижу Татьяну Борисовну, куда-то уходит волнение, и я знаю, что в это выступление я смогу вложить все свои силы, умение и профессионализм – всё то, чему, меня научила она. И знаю, что от неё всегда будут исходить доброта, тепло и любовь. За что ей великое спасибо!

* * *

ЭПИЗОД IV. Студенты рассказывают… О работе в классе Татьяны Веркиной

Олег Копелюк[16]

Задолго до нашего с Татьяной Борисовной знакомства у меня была возможность узнать её как человека, музыканта, педагога. В 2002 г. на концерте в Харьковской филармонии играли её ученики: Анна Сагалова, Мария Бондаренко, Кира Тищенко, Александра Першина и другие. Я слышал и понимал, быть может, в силу возраста, и не так, как сейчас, сколько труда, сил, времени вложено в этих замечательных музыкантов. Понимал, к чему стремиться, какую ответственность культивировать в себе, как усердно заниматься, чтобы расти до той высокой планки, которая мне, тогда небольшому мальчику, казалась недосягаемой.

[16] Олег Копелюк – студент 5 курса Харьковского национального университета искусств им. И. П. Котляревского, класс фортепиано Т. Б. Веркиной, постоянный участник различных фестивалей и конкурсов. – [*Е. П.*].

В 2004 г. я имел счастье присутствовать на концерте в филармонии, где Татьяна Борисовна пела романсы, а концертмейстером был Николай Павлович Дубиненко, которого я уже тогда, будучи студентом Харьковского музыкального училища, знал как прекрасного музыканта, заведующего отделом специального фортепиано. В тот вечер две души дарили слушателям вдохновение, искренность и трепет. Я тогда впервые услышал голос Татьяны Борисовны. Удивляюсь, насколько многогранна её личность. Недавно узнал её как педагога, а теперь вижу в другом амплуа! Поистине верна мысль, что талантливый человек талантлив во всём.

Близилось время выпуска из училища и поступления в консерваторию. Мне всегда везло на хороших учителей. В училище я занимался у Тамары Васильевны Новичковой, ставшей для меня человеком, благодаря которому я понял, что музыка будет сопровождать меня всю жизнь. В консерваторию всегда мечтал попасть только к Татьяне Борисовне Веркиной, ориентируясь и на свои прошлые впечатления о ней, и на восторженные отзывы Тамары Васильевны и других музыкантов.

И вот мы с Тамарой Васильевной пришли к ней 7 марта 2007 г. Я запомнил этот день! Признаюсь, мне было очень страшно играть перед таким требовательным и искушённым музыкантом, слышавшим тысячи хороших исполнений. После моей игры Татьяна Борисовна произнесла несколько одобрительных замечаний в мой адрес и начала со мной работать. Она много сама показывала на инструменте. С каждым таким показом, с каждой фразой я понимал, сколько часов я должен заниматься, сколько знаний должен впитывать, как много времени должен думать над замыслом композитора, над формой, звуком и многими другими вещами…

Наконец, пришло 7 июля 2007 г. – вступительный экзамен по специальности. Можно верить в нумерологию, в судьбу, удачу, но цифра «7» преследует меня. После сдачи самого главного испытания при поступлении я узнаю, что Татьяна Борисовна взяла меня в свой класс. Я даже не мог этого предположить. О таком подарке страшно было подумать. Я был невероятно счастлив! Но отчётливо понимал – всё, что произойдёт дальше, будет зависеть только от меня: не подвести своего педагога, не дать повода разочароваться во мне, стараться соответствовать тому высочайшему уровню, которого она захочет добиться от меня…

Мы уже четыре года вместе. За все эти годы ни один урок не был проведён скучно, неинтересно, как «обязаловка». Каждый урок всегда несёт му-

дрость, осознание того, что нужно становиться ещё лучше. Каждый урок не похож на предыдущий – всегда непосредственный и живой. Мы слушаем музыку, смотрим фильмы о великих музыкантах, обсуждаем, анализируем различные исполнения, слушаем друг друга, играем сами – всё это даёт колоссальный слуховой опыт, развивает ум, устремляет к настоящему искусству, помогает классу стать более сплочённым.

Не буду лукавить, не все наши уроки проходят гладко. Бывает всякое: не сошлись во мнениях, студенты не дозанимались, как следует не включились в процесс. И в то время, когда урок приобретает драматический характер, когда эмоции невозможно сдержать, я вспоминаю слова Татьяны Борисовны: если даже наш педагог недоволен нами, и кажется, что больше не в состоянии терпеть нас, не верьте этому, ибо настоящий учитель хочет, чтобы ученики превзошли своего учителя, именно в этом мудрость учителя, именно так проявляется его любовь.

И, несмотря на то, что превзойти нашего любимого Учителя – это утопия, мы обязаны воплотить все Её надежды ради самого ценного – высокого и непреходящего Искусства…

Олеся Пупина[17]

Дату моего знакомства с Татьяной Борисовной Веркиной я помню точно – 3 мая 2003 г. Моя первая встреча с Татьяной Борисовной состоялась в её рабочем кабинете во время вручения дипломов лауреатов национального смотра-конкурса пианистов – выпускников средних специальных учебных заведений. (Как выяснилось позже, инициатором этого ежегодного конкурса была именно Татьяна Борисовна. Целью же конкурса стало выявление музыкально одарённой молодежи. В тот год конкурс проводился во 2-й раз). Эта встреча оказалась для меня очень значительной, изменившей мои творческие планы. До этого момента я хотела продолжить обучение либо в Донецке (на моей родине), либо в Киеве. О проведении конкурса в Харькове я знала, но участвовать в нём не собиралась. Но внезапно поменяла решение, приехала в Харьков с опозданием – на второй день конкурса, выступила последней и стала лауреатом. Но не это событие стало определяющим – оно было лишь звеном в цепочке других. Мои планы круто изменил мастер-класс, проведенный со мной Татьяной Борисовной. Решающим стало увлекательное, полезное занятие,

[17] Олеся Пупина – выпускница Харьковского государственного университета искусств им. И. П. Котляревского по классу фортепиано Т. Б. Веркиной, ныне ассистент-стажер в её классе, постоянная участница различных фестивалей. – [*Е. П.*].

личное общение с умным, тонким музыкантом, опытным преподавателем, интересной личностью. В итоге в июле я сдала вступительные экзамены в ХГУИ и была зачислена в класс Татьяны Борисовны. Я очень рада, что всё так произошло. Случайная встреча стала решающей в моей судьбе.

Запомнились установки Татьяны Борисовны: «Никогда ничего не бойся», «Нужно всегда быть готовым ко всему», а также выражения: «маленький», «во первых строках своего письма…», «… сказала она». Запомнились многочисленные интересные уроки, где собирался весь класс Татьяны Борисовны, и поочерёдно играли все студенты с последующим обсуждением – обязательными комментариями к игре всех присутствующих. Увлекательными были и совместные прослушивания записей выдающихся исполнителей. В силу огромной занятости Татьяны Борисовны мои уроки иногда переносились на поздний вечер, случалось, что мои занятия завершали её напряжённый рабочий день уже ночью…

В Татьяне Борисовне я ценю высокий профессионализм, интеллект, бескорыстие, заинтересованность, увлечённость, желание помочь, коммуникабельность, мужество и женственность, качества лидера.

Татьяна Борисовна ценит в учениках и коллегах талант, работоспособность, ответственность, организованность, начитанность, волевые качества, выносливость, оперативность в решении проблем, преданность делу, стремление к самосовершенствованию.

Александр Ярецкий[18]

[О первой встрече с педагогом]: Это случилось, когда Татьяна Борисовна с классом приехала в Хмельницкий. Я попал на её мастер-класс. Впечатления от момента знакомства и первого занятия: почему человек, который видит тебя впервые, так заинтересован в тебе? И в процессе первого занятия ты понимаешь, сколько ты ещё не понимаешь и сколько есть вещей, о существовании которых ты даже не подозревал?. Понимаешь, что все сложно, но очень интересно!

[О качествах личности]: Во-первых, это преданность, с которой Татьяна Борисовна относится ко всему, что делает, это профессионализм, умение зажечь нас – когда ты выходишь с урока и у тебя ощущения, что теперь ты наконец всё понял! И как раньше можно было этого не замечать? ☺ И так каждый урок ☺!

* * *

[18] Александр Ярецкий – студент 3 курса Харьковского национального университета искусств им. И. П. Котляревского, класс фортепиано Т. Б. Веркиной. – [*Е. П.*].